

В. А. Иванов

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОСЕССИВНЫЙ СУФФИКС ТРЕТЬЕГО ЛИЦА В НЕМЕЦКОМ ЧУВАШЕВЕДЕНИИ

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье исследуется суффиксация слова на основе трудов немецкого чувашевода Й. Бенцинга. Приоритетное внимание уделяется его работе, посвященной изучению особенностей значения посессивного суффикса *-и* в чувашском языке. Данное лингвистическое явление, демонстрирующее широкий диапазон семантики, рассматривается в качестве важного компонента словообразования. Посессивный суффикс третьего лица и его варианты, присоединенные к корню слова в роли постфиксов, несут полифункциональную нагрузку, что иллюстрируется богатым набором примеров из простонародной чувашской речи. Процесс суффиксации естественно сопровождается созданием лексем и переходом их основы в новый класс слов, весь этот сложный комплекс функционально-семантических структурных изменений детерминируется с опорой на приведенные немецким полиглотом примеры со словами, некоторые из которых вышли из употребления в современном чувашском языке.

Предполагается, что словообразование по моделям суффиксации расширяет рамки изучения аспектов функционирования и строения производных чувашских слов, доказывая одновременно общность этимологии суффикса, артикля, существительного, местоимения, прилагательного, числительного. Структурное, экспрессивное и категоризирующее значение посессивного суффикса характеризуется уникальностью и самобытностью.

При транслитерации форм новообразований в немецком и чувашском языках, записанных с помощью латинской графической системы, побуквенная передача слов выполнена автором статьи средствами привычной для российского читателя кириллицы с применением при необходимости дополнительных знаков для обозначения часто употребляемых чувашских букв *ӓ, ӕ, ӗ, ӧ, ӡ, ӣ*.

Ключевые слова: *притяжательный суффикс, функция, транслит, пословица, семантика, посессивность, буквы, служебное слово.*

V. A. Ivanov

MULTIFUNCTIONAL THIRD-PERSON POSSESSIVE SUFFIX IN GERMAN STUDIES OF CHUVASH LANGUAGE

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article considers the word suffixation on the basis of philological works of the German Chuvashist J. Benzing; pays special attention to Benzing's work devoted to the study of the meaning of the possessive suffix «*-i*» in the Chuvash language. This linguistic phenomenon, which demonstrates a wide range of semantics, is considered as an important component of word formation. The third person possessive suffix and its variants attached to the root as postfixes carry a multifunctional load, which is illustrated by a rich set of examples from common Chuvash speech. The process of suffixing is naturally accompanied by the creation of lexemes with a new meaning and with the transition of their stems to a new class of words, and this entire complex of functional and semantic structural changes is determined with reference to the examples of words given by Benzing. It should be noted that some of these words are out of use in the modern Chuvash language.

The author assumes that word formation according to the models of suffixing expands the scope of study of function and formation of derived Chuvash words, proving the generality of etymology of the

suffix, article, pronoun, numeral. The structural, expressive, and categorizing value of the possessive suffix is characterized by its uniqueness and originality.

When transliterating new forms in the German and Chuvash languages, recorded by means of the Latin graphic system, the author made the letter-by-letter transfer of words by means of Cyrillic system familiar for Russian reader with additional characters for the transmission of the Chuvash letters «ă, ě, ç, ш, ч».

Keywords: *possessive suffix, function, translate, proverb, semantics, possessiveness, letters, functional word.*

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования детерминруется тремя источниками: функциональным многообразием языка в связи с различными сферами его применения – взаимоотношениями в условиях дву- и многоязычия с учетом специфики духовной культуры носителей чувашского языка; суффиксацией как преобразованием корня слова в словообразовательных целях с присоединением служебного элемента на основе системы письменных знаков, которые отражают звуковой облик корневых слов чувашского языка посредством своеобразных символов; посессивностью, обозначающей принадлежность или притяжательность коннотации объекта через отношение к лицу или предмету в виде относительной номинации, связанной с категориями предикативности, атрибутивности, локативности, с индивидуальным набором для каждого из контактируемых языков – чувашского, русского и немецкого.

Упомянутые действующие обстоятельства актуализируют изучение воззрения Й. Бенцинга на служебную морфему Possessivsuffix *-i* в чувашском языке с плюрализмом форм и значений с концентром «общность».

Цель исследования – внести вклад в изучение немецкоязычного чувашеведения и на основе отдельно взятого суффикса обогатить аксиому *Wer eine fremde Sprache nicht kennt, weiß nichts von seiner eigenen* – Кто не знает иностранного языка, тот ничего не знает о своем родном (И. В. Гете); к данному изречению предложить, но не в категоричной форме, добавление: *He владея родным языком, трудно усвоить иностранный язык.*

Материал и методика исследований. Нами проанализированы труды известного востоковеда Й. Бенцинга: серия статей на немецком языке по чувашской грамматике, «Краткий курс чувашского языка» (1943), немецко-чувашский словарь, докторская диссертацию по проблеме падежей в чувашском языке. Будучи действительным членом Майнцской академии наук, он опубликовал очерк по чувашской литературе, статьи по болгаро-чувашеведению (чувашский язык он изучал в Берлинском университете на курсе востоковедения). Значителен для чувашеведения его труд «Das Tschuwaschische», ценнейшим материалом является его произведение «Bolgärisch-tschuwaschische Studien».

Нами использованы следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный анализ лексико-семантических особенностей слов, выражений, изречений; обобщение собственного 60-летнего опыта преподавания немецкого языка в условиях русско-чувашского билингвизма.

Результаты исследований и их обсуждение. Исследуя своеобразие рассматриваемого нами в данной статье лингвистического явления в чувашском языке, Й. Бенцинг учитывает продуктивность посессивного суффикса (Possessivsuffix) в словообразовании и самобытность его функции в устной народной речи [8, с. 1–17]. Свободное владение чувашской разговорной речью, в чем мы убедились в процессе изучения домашней чувашской библиотеки ученого в Кенигсфельде, глубокое знание фольклора, истории и культуры народа позволили немецкому чувашеведу доказать особенности притяжательного суффикса на примерах «орудия общения» в повседневной трудовой жизни. Как полиглот он ненавязчиво предлагает нам обратить внимание на корень семантики термина «посессия» (лат. *possessio* – арендное владение, *posseissor* – владелец, арендатор; *posseisivnyj* – владельческий), относящегося в основном к земельному участку [4, с. 853]. Хотя между

арендатором и собственником дистанция огромного размера, но при анализе работы немецкого исследователя обнаруживается их общность – «земля» и для арендатора *валл-и* нужна, и для собственника важна. Тем самым мы подчеркиваем, что дальновидный ученый благодаря заземленности примеров советует смотреть на явления через призму натуры. Если он функцию *-i* видит в предложении *laza vall-i abat* (лаша валл-и апат; Futter für das Pferd; корм для лошади) в общности «корм – лошадь», то имплицитно подразумевает и притяжательное местоимение третьего лица – «своей лошади». Он понимает широту и глубину значения исследуемого суффикса, о чем свидетельствует богатство примеров, иллюстрирующих данное своеобразие. Сказанное подтверждают и следующие примеры: *кайăк тулл-и вăрмансем* (птицами полные леса; Wälder voll von Geflügel), *шкул тулл-и ача шавлать* (школа полна детским шумом; in der ganzen Schule lärmen die Kinder). (Здесь и в дальнейшем перевод на немецкий язык дается по Й. Бенцингу, на русский – нами; в них отражается скрытая общность.)

С учетом крестьянского происхождения респондентов – носителей чувашского языка – при рассмотрении темы «Possessivsuffix» ученый останавливается на анализе следующей ситуации: *çĕр урапа кĕлтене виçĕ кун кўчĕç: пирвайх-и кун вăтăр урапа, тенĕр кун тата вăтăр урапа, юлашк-и кун ытт-и хĕрĕх урап-ин-е* (копны ржаных снопов перевозили на 100 телегах в течение 3 дней: в первый день – на 30 телегах, в следующий – еще на 30, на третий – на 40 телегах везли оставшиеся копны; unsere 100 Wagen Garben haben sie in 3 Tagen gebracht: am 1. Tag 30 Wagen, am anderen Tag wieder 30 Wagen, am letzten dritten Tag die anderen 40 Wagen) [8, с. 10].

Углубленное изучение посессии в теории и практике привели Й. Бенцинга к еще более эффективно воспитывающему лирическому примеру напева кормящей малютку матери: *Уç, уç, ачам, уç, ачам: Кăкăрăм тулл-и сĕт кўтĕм, мăйăр хупп-и çу кўтĕм, икел хупп-и пыл кўтĕм* (Открой, малыш, ты, открой: принесла молочко в полную грудь, в ореховую скорлупу масла, в чашечку желудя – меда; Busen voll Milch, Nußschale Butter, Eichelschale Honig) [8, с. 9]. Здесь очевидна общность груди и молока, скорлупы и масла, чашечки и меда. Этому способствуют *тулл-и* и *хупп-и*. Перевод лишь поверхностно выражает картину открытия пальчиками дитя пути к цели – молоку. Лучше об этом напевать и читать в оригинале на чувашском языке. Выше уже было *тулл-и* в связи с *шкул тулл-и ача*, здесь же оно встретилось нам вновь в *кăкăрăм тулл-и сĕт*. Прозрачно, что транслят не в состоянии наглядно продемонстрировать значение суффикса: в нем нет ни *-и*, ни *тулли*, ни *валли*, а есть только приближение к истине. Повторяем, что для этого важно владеть языком матери: перевод отражает лишь смысл.

Феномен Possessivsuffix в чувашском языке, выполняющий функции выражения общей принадлежности (Zusammenangehörigkeit), иллюстрируется немцем ученым на примере, по содержанию сильно отвлекающем от формы: *çăрттан-ĕ сиксех пырать, Амăл-ĕ шăнсах пырать* (щука выпрыгивает, Волга постепенно замерзает; sein Hecht springt, sein Fluß gefriert). В данном примере притяжательный суффикс *-ĕ* вместо *-и* выражает принадлежность щуки и воды *Амăлу*, одновременно замещает отсутствующее притяжательное местоимение, на что Й. Бенцинг указывает при переводе и добавляет *sein* (его), которое в оригинале отсутствует. Замена *Амăл* на *Fluß* (река) очень своевременна: волжская вода объединяет щуку с рекою как арендатор или собственник – этих понятий в природе нет: они надуманы человеком. А в отношении равенства *Амăл* и *Fluß* другой известный чувашевед доказал: Die Wolga trug bei den Bulgaren ... die Bezeichnung ETIL, was čuvašisch "Fluß" bedeutet (Волга звалась у Болгар ЕТИЛ, что на чувашском языке означало «река») [7, с. 30].

Одушевляя *Амăл*, Й. Бенцинг его собственностью считает рыбу и воду через *sein Hecht, sein Fluß*. Эту мысль он продолжает и на примере *çил-ĕ вĕрет, çумăр-ĕ çумасть* (Ветер веет, дождя нет; Der Wind weht, aber es regnet nicht, досл. sein Wind и sein Regen – его ветер и его дождь). Таким образом он дополнительно указывает на особую функцию

у Possessivsuffix, одновременно и на самобытность чувашского языка с помощью конкретных примеров из народной речи. В целом вывод гласит: *Während im Tschuwaschischen diese Konstruktion regelmässig angewandt wird, ist der Gebrauch im Türkischen fakultativ* [8, с. 5–6] (эта конструкция в чувашской речи используется регулярно, в тюркской – факультативно). Данное своеобразие аргументируется как болгарскими, пратюркскими периодами развития, так и гуннским: *vortürkische Zeit ist die Zeit der Hunnen* – протюркское время есть гуннское время [14, с. 314]. Здесь предлагаем иметь в виду, что *Bulgaren sind von den anderen Türken abgesonderte Stämme* (болгары являются особыми, отделившимися от тюрков племенами), характеризующимися своеобразием своего говора/диалекта (*wegen den charakteristischen Eigentümlichkeiten ihrer Mundarten*) [14, с. 105]. Не полемизируя о болгарском наследии, нами допускается, что исследуемые Й. Бенцингом суффиксы в современном чувашском языке также имеют свое особое прошлое. В связи с этим напрашивается риторический вопрос: были ли среди чувашских исследователей лингвисты, знакомые с указанным источником на арабском языке? Мы можем лишь напомнить, что профессор В. Г. Егоров (1864–1931), автор «Этимологического словаря чувашского языка», владел арабским языком: по направлению Российско-Палестинского общества руководил русско-арабскими школами в Сирии [2, с. 155], в своих трудах регулярно пользовался примерами из арабского языка.

Необычайным явлением Й. Бенцинг считает использование притяжательного суффикса в виде окончания -*ё*: *леш-ё* (тот; jener), *хэйш-ё* (который; welcher), *нумаййэш-ё* (многие; viele), *иккёш-ё* (оба; beide), *аллэйш-ё* (все 50; alle fünfzig) и т. д. К этой группе лексем примыкают и субстантивированные прилагательные: на вопрос «*Хэйш карандашине илтён?*» (Какой карандаш купил? *Welchen Bleistift hast du gekauft?*) возможен ответ: *хёрлин-е* (красный; den roten), *хурин-е* (черный; den schwarzen) и др. Тут же следует поучительный пример: *ачасем сёрёп-е кёмёллеш-е вылясчё* (дети играют в «колечко» серебряным кольцом; *die Kinder spielen mit dem silbernen Ring*). В современном рыночном мире можно представить себе принадлежность серебряного кольца девочкам, а притяжательный суффикс убеждает в этом с учетом, что серебро (монеты, кольца) у чувашских женщин ценились не ниже золота. Отвлекает от сухого рассуждения о функции суффиксов и окончаний и другой испытанный временем пример для крестьянина: *кёмпа чир-ё йывёс варрин-е пётёмпех тенё нек сисе ярсасён, вара йывёс хэрать* (если гнилой гриб достанет сердцевину дерева и почти съест ее, то дерево засохнет; *wenn die Schwamm-Krankheit das innere des Baumes sozusagen gänzlich weggefressen hat, dann verdorrt der Baum*) [8, с. 7]. Как жизнь в общности с природой формировала личность мыслящего человека, таким же образом и обогащала его речь – номинировала предметы, качества и действия.

Актуальность исследования притяжательного суффикса -*мёшё* в чувашском языке детерминирована также его общностью с порядковыми числительными и исходящей из них обязательностью употребления определенного артикля в немецком языке: *der erste* – *пёрремёш* (первый), *der zweite* – *иккёмёш* (второй) и т. д. или в персоналии *Peter der Erste* (Петр Первый) и др. Для знатока чувашского языка, полиглота Й. Бенцинга важно выявление еще одного своеобразия: *Dadurch werden Zahlwörter substantiviert, wie ja der determinierte Gebrauch große Ähnlichkeit mit unserem Artikel hat* (числительные субстантивируются, и также обуславливается большая общность с нашим немецким артиклем). На основе многочисленных примеров следует вывод: *Derartige Fälle sind zwar im Türkischen ebenfalls anzutreffen, doch sind sie bei weitem seltener als im Tschuwaschischen* [8, с. 6–7] (Подобные случаи встречаются и в тюркском языке, но все же намного реже, чем в чувашском).

Продолжение исследования особенности Possessivsuffix проводится далее на примерах с чувашским *пур* (есть) – *пур-ё* (все, всего, итого) и *пур-ёш* (все они), а также *пётём-ёш* (все) с *пётём* (полностью). Выражение общности при помощи (-*мёш-ё*) для немецкого ученого представляет интерес и возможность передать таким путем словооб-

разование: *пётём-ёш* (seine Gesamtheit; его общность), *инç-ёш* (Ferne; даль), *йывёр-ёш-ё* (Gewicht; вес), *сарлак-айш-ё* (Breite; ширина), *сўлл-ёш* (Höhe; высота), *таран-айш-ё* (Tiefe; глубина). К этим абстрактным существительным, образованным от соответствующих прилагательных, отнесены: *пётём* (общий), *инçе* (далекий), *йывёр* (тяжелый), *сарлака* (широкий), *сўллё* (высокий), *таран* (глубокий). По формальным признакам мы могли бы отнести к ним и *пуçлам-айшё* (Beginn; начало), и *пётм-ёшё* (Ende; окончание).

Расширяя сферу формы и содержания притяжательного суффикса в чувашском языке, Й. Бенцинг переходит к прилагательным с окончанием *-ле, -лă*: *пура сўллёш-ё виçё аршан* (die Höhe des Balkens ist 3 Arschin; высота сруба 3 аршина); *таранайш-ё 5 м* (die Tiefe ist 5 Meter; глубина 5 метров), возможно, здесь имеется в виду вид сверху. В тексте имеется вариант *seine Tiefe* (его глубина): подразумевается невидимое притяжательное местоимение. Иллюстрация отсутствующего в чувашском языке местоимения представлена и в загадке: *пуçран пёчёк* (меньше головы – весом легче гусяного пера; *größer als ein Kopf – sein Gewicht ist nicht wie das einer Gansfeder* [8, с. 8], *хур тёкён шăмм-и йывёр-ёш сук – супань шывён хăмп-и* (пузырь мыльной воды). Possessivsuffix прозрачен и в чувашском *хăмп-и* (пузырь) и *шăмм-и* (кость пера), он интересен и в слове *йывёр-ёш* (вес) и виден из употребления в немецком притяжательном местоимении *sein* (его). Вопрос возникает и в связи с транслятом *пёчёк* (маленький) через *größer* (больше), возможно, имеется в виду гусяная голова. Вероятно, это относится к общности *тёк* и *шăмм-и, вода* и *хăмп-и*. Особую функцию суффикса третьего лица Й. Бенцинг называет Funktion eines Artikels рядом с Funktion einer Art «Relativpronomen».

Полиглот наслушался народной чувашской речи в лагере пленных и поражался грамматическому выражению принадлежности в этом языке, например, *вăрмант-и* (то, что в лесу), *аялалл-и* (то, что находится внизу), *лаша-н-айн-ни* (то, что принадлежит лошади). Его интересуют не только отдельные слова с суффиксами и окончаниями, но и целые изречения – как их форма, так и смысл: *Шăш-и шăк-ё те тинёсе пулăшат тенё нек* (Auch der Urin der Maus (мышь) hilft (помогает) dem Meer (морю)) [8, с. 16]. Вышеприведенные поговорки, как мы уже убедились, многофункциональны. Повторяем, что эти нюансы понятны лишь владеющему материнским языком: в нем существуют непереводаемые слова, называемые чувашизмами, к ним можно отнести и слова с Possessivsuffix, поддающиеся транслитерации лишь описательно, о чем свидетельствуют переводы своеобразных слов, выражений и предложений на немецкий язык. Все познается в сравнении.

Нами рассмотрена лишь небольшая часть лексического фонда по теме. Они бесконечны, в том числе в сфере общности с падежами: *jalall-i-* (in Richtung auf das Dorf; в направлении в сторону деревни), *ку кăранташ Иван валл-и* (dieser Bleistift ist der gemeinschaftlich Iwan gehört; это карандаш тот, который принадлежит Ивану по совместительству) и т. п. У немецкого исследователя один пример следует за другим, которые доказывают истину, что для перевода слова с притяжательным суффиксом требуется целое придаточное предложение.

Своеобразие выражения срока, дополнительного к вышесказанному, можно показать, как рядом с *паян* (сегодня) идут не только *ыран, виçмине* (завтра, послезавтра) и *ёнер, виçёмкун* (вчера, позавчера), но и *тăватăммине* и *тăватăмкун*, то есть на день дальше и вперед, и назад. По данным Й. Бенцинга, в народной речи встречается и *ултмин-е* (через 6 дней), и *сичмин-е* (через неделю). По его мнению, для усвоения данной функции Possessivsuffix не обязательно смотреть через «индогерманские очки» и иметь «индогерманское мышление» – durch (*тăрăх*; через) indogermanische Brille (очки), indogermanisches Denken (мышление) [8, с. 12, 16]: лучше обратиться к богатой устной народной речи. Сам он пользовался ею в процессе исследования не только Possessivsuffix, но и Tschuwasischer [15, Heft 3, с. 96, 392–398], Nomen futuri [15, Heft 1, с. 46–58] и Kasus [15, Heft 3, с. 421–470].

Дедуцирование выводов об особенностях функционирования притяжательных суффиксов в чувашском языке доказывает, что исследуемое частное явление детерминруется общими данными немецкоязычных чувашеведов об особом месте чувашского среди тюркских языков, поэтому считаем необходимым напомнить:

1. Die Sprache der Tschuwaschen ist von den übrigen Türksprachen so verschieden, dass man sie eine Zeit lang sogar für türkischen Dialekt der Wolgafinnen gehalten [10, с. 16] (Язык чувашей настолько отличается от других тюркских языков, что долгое время его считали языком поволжских финнов).

2. Die wichtigste wissenschaftliche Aufgabe war die Beantwortung der Frage, ob das Tschuwaschische seiner Herkunft nach zu den türkischen oder finnougri-schen Sprachen gehörte [6, с. 15] (Чувашеведы считали исторически важнейшей задачей дать ответ на вопрос о происхождении чувашского языка от тюркского или угрофиннского начала).

3. In der Turkologie und Altaistik nimmt das Tschuwaschische wegen der starken Abweichungen von den meisten Türksprachen einen besonderen Platz ein [13, с. 6] (В тюркологии и алтаистике чувашский язык занимает особое место в связи с сильными отличиями от большинства тюркских языков).

4. Der Grund für die Entscheidung im ersten Sinne liegt einerseits in Momenten anthropologischer und ethnographischer, andererseits in solchen musikalisch entwicklungsgeschichtlicher Natur [11, с. 3] (Профессор, музыковед Р. Лах, объясняя причину включения чувашских песен в первый том песен российских военнопленных Первой мировой войны, ссылается на антропологию и этнографию естественного исторического развития).

5. Die isolierte Stellung des Tschuwaschischen innerhalb des Gros der Türksprachen [9, с. 2] (Отдельное место чувашского языка в составе больших тюркских языков) интересовало толкователя слов живого чувашского языка У. Блезинга и привело его к созданию объемной книги о поговорках и пословицах предков чувашей. Среди 5600 единиц есть и нравоучение *Tinës xërrine sitmesër attuna an xiv* [9, с. 22], свидетельствующее о приморской жизнедеятельности древних чувашей: *тинёс хёрне ситмесёр аттуна ан хыв*.

Мы привели всего пять изречений зарубежных ученых о своеобразии чувашского языка. Академик М. Р. Федотов в своем исследовании рассматривает вклад 12 немецкоязычных лингвистов в чувашологию [5, с. 17–24, 37–48, 61–75, 93–100, 119, 126–145]. Как продолжение этого списка нами выявлено еще 8 чувашеведов [1, с. 6–16].

Изучение самобытности чувашского языка обобщает лексикографический текст российских филологов, утвержденный редакционной коллегией в составе 14 лингвистов: «в морфологии своеобразны показатель множ. числа, формы количеств. числительных, ... форма прош. вр., единый показатель дат. и вин. п. ... большинство указат. местоимений, лично-возвратное местоимение от основы **xa*... » [3, с. 535].

Резюмируя результаты исследования полисемии притяжательного суффикса *-i* и его вариантов в чувашском слове и транслита их семантики на немецкий язык, обобщаем, что они обеспечивают реальную реконструкцию способа передачи выражаемой ими мысли. Конвергенция и дивергенция лексической структуры в разноструктурных языках с привлечением в качестве фактологического материала примеров из настоящего живого слова чувашской народной речи и свободного перевода их на немецкий и русский языки лишь условно реализуют потенциал данного суффикса в оригинале. Используемые литературные источники частично доказывают системное взаимовлияние общения этносов на языковые уровни – фонетику, морфемику, фразеологию и синтаксис, что особенно наглядно в процессе транскрибирования. Описание функционирования отдельно взятого суффикса как языкового элемента в форме звука, буквы, лексемы, словосочетания, предложения выполняет гносеологическую задачу – углубленное понимание целей, содержания и методов изучения самобытности чувашского языка. Ресурсы данного языка-источника в условиях

диахронно-сопоставительного подхода в научном наследии немецкого чувашевода Й. Бенцинга позволили нам наглядно показать его вклад в компаративистику.

В поле исследования сделана попытка привлечения как внешних показателей суффикса (фонетико-графических), так и внутренних (семантических). Словотолкователь Й. Бенцинг расширил сферу немецкого чувашеведения как научный руководитель У. Блезинга, Б. Шернера, Э. Бургхарда, Й. Йохансона, Э. Винклера, Л. Райнхольда и своей дочери Бригитты, труды некоторых из них нашли отражение в нашем списке литературы. Благодарные ученики особо отмечают, что научное творчество чувашевода Й. Бенцинга многоязычно, но в филологической науке он чаще всего доверялся чувашскому языку.

В данном контексте еще одно отступление в сторону случайной общности – в 1942 г. советский солдат защищал г. Сталинград, а Й. Бенцинг в Германии – докторскую диссертацию по проблеме падежей в чувашском языке: 1942 habilitierte er sich mit seiner Arbeit “Tschuwaschische Forschungen. IV: Die Kasus”, in der er einmal mehr einen ihm inzwischen aufs beste vertraute Gegenstand – das Tschuwaschische – behandelte [12, с. 152] (В 1942 г. ученый защитил свою работу «Исследования чувашского языка, IV: Падежи», в которой он рассматривал самый близко знакомый ему предмет – чувашский язык»).

Резюме. Исследование суффикса *-i* (и его вариантов) как выразителя общности мы начали с *валл-и* (для), продолжили *тулл-и* (полный), перешли к *Атӓл-ӓ* (ее Волги) и *пӓтӓм-ӓшӓ* (в целом), дошли до общности его с артиклем, местоимением, числительным, существительным и прилагательным, рассматривали в составе паремии и фольклора, лексикологии и грамматики, расширяя и углубляя концепт «суффикс».

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В. А. Немецко-чувашская этимологическая общность. – Чебоксары : Новое время, 2017. – 177 с.
2. Краткая чувашская энциклопедия / гл. ред. А. А. Трофимов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2001. – 525 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
4. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. – 853 с.
5. Федотов М. П. Исследователи чувашского языка. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 156 с.
6. Aqyaqasi K., Winkler E. Tschuwaschischer Nachlass von August Ahlquist. – Debrecen : Debrecen University Press, 2008. – 178 S.
7. Barthold W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelalters. – Berlin : Deutsche Gesellschaft für Islamkunde, 1935. – 272 S.
8. Benzing J. Bolgarisch-tschuwaschische Studien. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1993. – 142 S.
9. Bläsing U. Tschuwaschische Sprichwörter und Redensarten. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1994. – 849 S.
10. Burghard A. J. Tschuwaschische Ortsnamen. – Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1957. – 157 S.
11. Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. – Wien ; Leipzig : Hölder-Pichler-Tempsky A. G., 1942. – 147 S.
12. *Materialia Turcica*. – 2002. – Bd. 23. – 178 S.
13. Scherner B. Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen. – Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GmbH, 1977. – 231 S.
14. Validi T. A. Z. Ibn Fadlans Reisebericht. – Leipzig : Deutsche Morgenländische Gesellschaft, 1939. – 331 S.
15. *Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – 1941–1942. – Heft 1, 3.

Статья поступила в редакцию 11.03.2019

REFERENCES

1. Ivanov V. A. Nemecko-chuvashskaya etimologicheskaya obshchnost'. – Cheboksary : Novoe vremya, 2017. – 177 s.
2. *Kratkaya chuvashskaya enciklopediya* / gl. red. A. A. Trofimov. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2001. – 525 s.

3. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* / gl. red. V. N. Yarceva. – M. : Sovetskaya enciklopediya, 1990. – 683 s.
4. *Slovar' inostrannyh slov* / pod red. I. V. Lekhina, F. N. Petrova. – M. : Izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1954. – 853 s.
5. *Fedotov M. R.* Issledovateli chuvashskogo yazyka. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2002. – 156 s.
6. *Aqyaqasi K., Winkler E.* Tschuwaschischer Nachlass von August Ahlquist. – Debrecen : Debrecen University Press, 2008. – 178 S.
7. *Barthold W.* 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelaisens. – Berlin : Deutsche Gesellschaft für Islamkunde, 1935. – 272 S.
8. *Benzing J.* Bolgarisch-tschuwaschische Studien. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1993. – 142 S.
9. *Bläsing U.* Tschuwaschische Sprichwörter und Redensarten. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1994. – 849 S.
10. *Burghard A. J.* Tschuwaschische Ortsnamen. – Wiesbaden : Otto Harrasowitz, 1957. – 157 S.
11. *Lach R.* Gesänge russischer Kriegsgefangener. – Wien ; Leipzig : Hölder-Pichler-Tempsky A. G., 1942. – 147 S.
12. *Materialia Turcica.* – 2002. – Bd. 23. – 178 S.
13. *Scherner B.* Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen. – Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GmbH, 1977. – 231 S.
14. *Validi T. A. Z.* Ibn Fadlans Reisebericht. – Leipzig : Deutsche Morgenländische Gesellschaft, 1939. – 331 S.
15. *Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft.* – 1941–1942. – Heft 1, 3.

The article was contributed on March 11, 2019

Сведения об авторе

Иванов Владимир Александрович – доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков № 2 Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: profiwanow@yandex.ru

Author information

Ivanov, Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Pedagogics, Professor of the Department of Foreign Languages № 2, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: profiwanow@yandex.ru